

The background of the entire page is a painting of a park scene. In the foreground, a woman in a long red skirt and a light blue jacket, wearing a wide-brimmed hat, stands on a path. To her right, a man in a light-colored suit and hat, leaning on a cane, is walking away. In the background, a tall, slender statue of a woman stands among large, leafy trees. The overall style is impressionistic with visible brushstrokes.

Люксембургский сад

из французской
поэзии
XIX-XX вв.

Коллектив авторов

**Люксембургский сад. Из
французской поэзии XIX-XX вв.**

«Алетейя»

Коллектив авторов

Люксембургский сад. Из французской поэзии XIX-XX вв. /
Коллектив авторов — «Алетейя»,

ISBN 978-5-90670-590-7

Французская поэзия XIX-XX вв. в переводах Веры Орловской – это возможность для читателя войти в прекрасный «сад», в котором растут стихи таких поэтов, как Жерар де Нерваль, Альфред де Мюссе, Поль Верлен, Артюр Рембо, Жюль Сюпервьель, Жак Превер, Ив Бонфуа и др. Переводчик текстов, будучи и сама поэтом, сумела бережно и поэтически точно подойти к особенностям стиля каждого из представленных авторов. Книга будет интересна всем любителям французской культуры.

ISBN 978-5-90670-590-7

© Коллектив авторов
© Алетейя

Содержание

Пышная растительность поэтического сада французской поэзии	6
Переводы	8
Marceline Desbordes-Valmore	8
Les roses de Saadi	8
Розы Саади	8
Les cloches du soir	8
Вечерние колокола	9
Prière	9
Молитва	10
Les séparés	10
Разлученные	11
Le nid solitaire	11
Одинокое жилище	12
Allez en paix	12
Идите с миром	13
Ma chambre	14
Моя комната	15
Souvenir	15
Воспоминание	15
Les éclairs	16
Молнии	16
Qu'en avez-vous fait?	16
Что же вы наделали?	17
Détachement	18
Равнодушие	19
La couronne effeuillée	19
Опавшая корона	20
Alphonse de Lamartine	21
«Le mur est gris, la tuile est rousse...»	21
«Скрип кровли, серая стена.....»	21
Adieu à Graziella	22
Прощание с Грациеллой	23
Felix Arver	24
Sonnet	24
Сонет	24
Victor Hugo	26
L'automne	26
Осень	26
Le printemps	26
Весна	26
Gerard de Nerval	28
Avril	28
Апрель	28
Delfica	28
Дельфы	29
Le réveil en voiture	29

Пробуждение в карете	30
Choeur d'amour	30
Хор любви	30
Fantaisie	31
Фантазия	31
Sonnet	32
Сонет	32
Le point noir	33
Черная точка	33
Vers dorés	34
Золотые стихи	34
Une allée du Luxembourg	35
Аллея Люксембургского сада	35
Alfred de Muset	36
Chanson	36
Песня	36
Tristesse	37
Грусть	37
Chanson de Fortunio	38
Песня Фортуньо	38
Impromptu	39
Экспромт	39
Chanson de barberine	40
Печальная песня	40
A Charles Nodier	41
К Шарлю Нодье	42
Theophile Gautier	44
Premier sourire du printemps	44
Первая улыбка весны	45
Paysage	46
Пейзаж	46
Carmen	47
Кармен	47
La chimère	48
Химера	49
Charles Leconte de Lisle	50
Villanelle	50
Песенка с припевом	50
Aux modernes	51
К живущим	51
La Maya	52
Майя	52
Charles Cros	53
«Au lit que tu sais faire...»	53
«В том ложе, что в земле...»	53
Liberte	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Люксембургский сад. Из французской поэзии XIX–XX вв

Пышная растительность поэтического сада французской поэзии

Французская поэзия, несмотря на все еще бытующее мнение о не-поэтичности и сухом рационализме французского языка, издавна привлекала внимание русских переводчиков и давала порой великолепные образцы переводов. Современный читатель имеет возможность познакомиться и с различными переводческими версиями стихотворений разных поэтов (например, в антологиях «Французские стихи в переводах русских поэтов XIX–XX вв.», 1969 и «Французская поэзия в переводах русских поэтов 10–70-х годов XX века», 2005), и с антологиями нескольких веков французской поэзии, составленных одним переводчиком («Рог. Из французской лирики» Ю. Корнеева, 1989; «Семь веков французской поэзии» Е. Витковского, 1999; «Фавн перед зеркалом» Р.Дубровкина, 2008), не говоря уже об изданиях переводов отдельных французских поэтов. В то же время потребность в появлении новых поэтических интерпретаций, как и расширение спектра имен и произведений, входящих в читательских обиход, сохраняется по сей день. И появление сборника «Люксембургский сад» можно только приветствовать.

Вера Орловская достаточно давно известна любителям поэзии как автор, имеющий свою собственную лирическую интонацию и стиль. Как можно заметить, обладание ярко выраженной поэтической индивидуальностью не всегда помогает поэту-переводчику, ведь перед ним стоит задача не столько проявить собственную индивидуальность, сколько открыть чужую, почувствовать и передать ее средствами другого языка. Можно ожидать, поэтому, что для перевода такой поэт, дабы не заслонить собой переводимого автора, отбирает лишь стихи, эмоционально и стилистически близкие его типу дарования. Так, сборник «Французская поэзия в переводах Натальи Стрижевской» (2008) выявляет очевидное тяготение автора сборника к философской лирике разных веков. Однако замысел обширной антологии, включающей переводы разных жанров различных по типу творчества – романтиков, символистов, сюрреалистов... – двадцати четырех французских поэтов от начала XIX в. до современности, от Марселины Деборд-Вальмор до Ива Бонфуа, требовал широкого диапазона поэтического созвучия, способности вчувствования, вживания в разные ритмы, образы, стили. В. Орловской это вполне удалось.

В антологии мы встречаем произведения, еще не известные русским любителям поэзии, что само по себе ценно, расширяет наше знакомство с поэтической Францией. Но переводчица отважно берется и за собственную поэтическую интерпретацию уже переведенных, даже хрестоматийно известных стихотворений, много раз представленных читателям большими поэтами, классиками поэтического перевода – достаточно вспомнить верленовское «Il pleure dans mon cœur...». Надо сказать, что в этом стремлении «перетворить пройденное» в поэтическом переводе нет ничего удивительного. Иногда, и, пожалуй, не без основания, кажется, что заново сделанные переводы иностранной прозы не нужны, во всяком случае, они скорее портят впечатление от знакомых читателю произведений, оказываются ничуть не адекватнее в художественном смысле, если даже они и буквальнее в смысле языковом. Так, появившийся гораздо более буквально точный перевод романа Д. Сэлинджера «Ловец во ржи» М. Немцова отнюдь не превзошел переводческого шедевра Р. Райт-Ковалевой «Над пропастью во ржи»,

сколь бы много доводов ни приводили в его пользу. Иначе, думается, обстоит дела с переводами поэзии: ведь при отсутствии возможности найти прямые и однозначные соответствия ритмике и образности стиха, поэтический перевод заведомо более свободен в способах интерпретации, в каждом новом переводе нам открываются новые, порой неожиданные стороны подлинника.

Не стану говорить, что представленные В. Орловской переводческие интерпретации лучше известных – это не только было бы неправдой (хотя бы потому, что многие из уже известных переводов ближе мне, да, видимо, и другим читателям, своей привычностью, вращенностью в русскую поэтическую традицию; к тому же переводчице часто приходится соперничать с весьма большими поэтическими величинами), но они всегда интересны, поскольку обладают качеством свежести и – порой удивительной – гибкости автора, умеющей передать и остроумно-комическую интонацию, и драматическое напряжение, и глубокую рефлексия, и изысканную метафорику различных текстов. Сохраняя собственное поэтическое лицо, Вера Орловская умеет одновременно быть разной – и это придает ее антологии необходимое своеобразие, позволяет надеяться на заинтересованный читательский прием «поэтической растительности» «Люксембургского сада».

Н. Т. Пахсарьян

Переводы

Marceline Desbordes-Valmore
(1786–1859)
Марселина Деборд-Вальмор
(1786–1859)

Les roses de Saadi

J'ai voulu ce matin te rapporter des roses;
Mais j'en avais tant pris dans mes ceintures closes
Que les noeuds trop serrés n'ont pu les contenir.

Les noeuds ont éclaté. Les roses envolées
Dans le vent, à la mer s'en sont toutes allées.
Elles ont suivi l'eau pour ne plus revenir.

La vague en a paru rouge et comme enflammée.
Ce soir, ma robe encore en est toute embaumée...
Respires-en sur moi l'odorant souvenir.

Розы Саади

Эти розы тебе подарить я желала;
Мои лифы туги, а завязки, как жала:
Не вместили всех роз, что несла для тебя.

Развязались узлы и цветы улетели,
Ветер к морю их нес и качал в колыбели,
На волнах голубых лепестки беребя.

От того и вода вдалеке пламенела.
Я от запаха роз в этот вечер пьянела,
Я дышала тобой, вспоминая, любя.

Les cloches du soir

Quand les cloches du soir, dans leur lente volée,
Feront descendre l'heure au fond de la vallée;
Quand tu n'auras d'amis, ni d'amours près de toi;

Pense à moi! Pense à moi!

Car les cloches du soir avec leur voix sonore
A ton coeur solitaire iront parler encore;
Et l'air fera vibrer ces mots autour de toi:
Aime-moi! Aime-moi!

Si les cloches du soir éveillent tes alarmes,
Demande au temps ému qui passe entre nos larmes:
Le temps dira toujours qu'il n'a trouvé que toi,
Près de moi! près de moi!

Quand les cloches du soir, si tristes dans l'absence,
Tinteront sur mon coeur ivre de ta présence;
Ah! c'est le chant du ciel qui sonnera pour toi,
Et pour moi! et pour moi!

Вечерние колокола

Когда вечерние колокола, взлетая,
В долину времени опустятся, как стая;
Когда друзья вдали и нет с тобой любви,
Зови меня! Зови!

О, те колокола с их заунывным звоном,
Им все еще звучать в твоей душе со стоном;
Но ветер донесет слова мои звеня:
Люби! Люби меня!

И если сердца звон колоколам созвучен,
Пусть время скажет вновь, что путь наш неразлучен,
Когда сей мир потерь меж нами стал стеной,
Но ты со мной! Со мной!

Как благостную весть колокола вещают
О том, что счастье есть, и счастье обещают.
Ах! Это неба песнь; она звучит, маня,
Тебя, мой друг! Меня!

Prière

Ne me fais pas mourir sous les glaces de l'âge,
Toi qui formas mon coeur du feu pur de l'amour;
Rappelle ton enfant du milieu de l'orage:
Dieu! J'ai peur de la nuit. Que je m'envole au jour!

Après ce que j'aimai je ne veux pas m'éteindre;
Je ne veux pas mourir dans le deuil de sa mort:
Que son souffle me cherche, attaché sur mon sort,
Et défende au froid de m'atteindre.

Laisse alors s'embrasser dans leur étonnement,
Et pour l'éternité, deux innocentes flammes.
Hélas! n'en mis-tu pas le doux pressentiment
Dans le fond d'un baiser où s'attendaient nos âmes?

Молитва

Не дай мне умереть от ледящих лет,
Коль сердце из любви Ты создал и огня.
Услышь свое дитя, когда померкнет свет,
Мой Боже! В мрак ночей не отпускай меня!

Уже познав любовь, я не хочу забвенья:
Погаснуть до конца, как бледная свеча...
Мне страшно чують смерть у своего плеча.
К тебе, Господь, я шлю моления.

Позволь еще хоть раз обняться крепко нам,
Когда сердца в пылу – одно к другому рвется.
Невинных две души соединяться ль там
В единый поцелуй, что вечностью зовется?

Les séparés

N'écris pas! Je suis triste, et je voudrais m'éteindre;
Les beaux étés, sans toi, c'est l'amour sans flambeau.
J'ai refermé mes bras qui ne peuvent t'atteindre;
Et frapper à mon coeur, c'est frapper au tombeau.
N'écris pas!

N'écris pas! n'apprenons qu'à mourir a nous-mêmes.
Ne demande qu'à Dieu...qu'à toi, si je t'aimais.
Au fond de ton silence écouter que tu m'aimais,
C'est entendre le ciel sans y monter jamais.
N'écris pas!

N'écris pas! je te crains, j'ai peur de ma mémoire;
Elle a garde ta voix qui m'appelle souvent.
Ne montre pas l'eau vivre à qui ne peut la boire,

Une chère écriture est un portrait vivant.
N'écris pas!

N'écris pas ces deux mots que je n'ose plus lire;
Il semble que ta voix les répand sur mon cœur,
Que je les vois briller à travers ton sourire;
Il semble qu'un baiser les empreint sur mon cœur.
N'écris pas!

Разлученные

Не пиши! Я грустна; в череде лет угасших
Моя жизнь без тебя – горстка пепла теперь.
Не поднять мне к тебе рук, объятья разнявших;
Сердце – брошенный склеп, не стучись в его дверь.
Не пиши!

Не пиши! Что прошло – не вернуть ненароком;
Только Бога спроси, как любила тебя,
Только в сердце своем ты спроси одиноком:
Никогда не взойти в небеса, не любя.
Не пиши!

Не пиши! О тебе сердце думать боится,
Моя память хранит голос манящий твой.
Но истекшей воды мне уже не напиться;
Дорогое письмо – как портрет твой живой.
Не пиши!

Не пиши! Этих слов я читать не посмею,
Лишь в улыбке твоей им сиять и звучать,
Озаряя уста, от которых немею;
И на сердце моем поцелуй, как печать.
Не пиши!

Le nid solitaire

Va, mon âme, au-dessus de la foule qui passe,
Ainsi qu'un libre oiseau te baigner dans l'espace.
Va voir! et ne reviens qu'après avoir touché
Le rêve... mon beau rêve à la terre caché.

Moi, je veux du silence, il y va de ma vie;
Et je m'enferme où rien, plus rien ne m'a suivie;
Et de son nid étroit d'où nul sanglot ne sort,

J'entends courir le siècle à côté de mon sort.

Le siècle qui s'enfuit grondant devant nos portes,
Entraînant dans son cours, comme des algues mortes,
Les noms ensanglantés, les vœux, les vains serments,
Les bouquets purs, noués de noms doux et charmants.

Va, mon âme, au-dessus de la foule qui passe,
Ainsi qu'un libre oiseau te baigner dans l'espace.
Va voir! et ne reviens qu'après avoir touché
Le rêve... mon beau rêve à la terre caché!

Одинокое жилище

Лети, моя душа, свободно и незримо
В пространстве над толпой, идущей мимо, мимо,
И птицей воспарив, коснись моей мечты.
И возвращайся вновь на землю с высоты.

В молчании немом в тиши уединенной
Я чувствую себя от мира отдаленной
В жилище, где мои рыдания со мной,
Я слушаю, как век проходит стороной,

Пустых обетов, клятв напрасных не скрывая,
Как будто водоросли мертвые срывая,
Уносит имена, погрязшие в крови,
А из других имен плетет венок любви.

Лети, моя душа, свободно и незримо
В пространстве – над толпой, идущей мимо, мимо,
И птицей воспарив, коснись моей мечты.
И возвращайся вновь на землю с высоты.

Allez en paix

Allez en paix, mon cher tourment,
Vous m'avez assez alarmée,
Assez émue, assez charmée...
Allez au loin, mon cher tourment,
Hélas ! mon invisible aimant !

Votre nom seul suffira bien
Pour me retenir asservie ;
Il est alentour de ma vie

Roulée comme un ardent lien :
Ce nom vous remplacera bien .

Ah ! je crois que sans le savoir
J'ai fait un malheur sur la terre ;
Et vous mon juge involontaire ,
Vous êtes donc venu me voir
Pour me punir, sans le savoir ?

D'abord ce fut musique et feu,
Rires d'enfants, danses rêvées;
Puis les larmes sont arrivées
Avec les peurs, les nuits de feu ...
Adieu danses, musique et jeu !

Sauvez-vous par le beau chemin
Où plane l'hirondelle heureuse:
C'est la poésie amoureuse:
Pour ne pas la perdre en chemin
De mon coeur ôtez votre main.

Dans votre prière tout bas,
Le soir, laissez entrer mes larmes ;
Contre vous elles n'ont point d'armes.
Dans vos discours n'en parlez pas!
Devant Dieu pensez-y tout bas.

Идите с миром

Идите с миром, дорогой,
Вы мучили меня довольно.
Мне говорить об этом больно,
Идите прочь, мой дорогой,
Увы! дорогою другой!

Всё в вашем имени одном:
Оно меня в неволе держит.
Своим звучаньем дивным нежит
И связывает сладким сном.
Жизнь в этом имени одном.

Ах! Я сама того не зная,
Могла свершить сей шаг опасный,
Но ваш поступок не напрасный,
Судья невольный, спасена я.
Иль действовали вы, не зная?

Вначале – музыка и свет,
Смех детский, танцы, тайны, грезы.
Но подступили к горлу слезы,
Как будто счастья больше нет.
Прощай же, музыка и свет!

Пускаясь в неизвестный путь,
Любовь, как ласточку ловите;
Но мое сердце мне верните
В мою, теперь пустую, грудь,
Оно само отыщет путь..

Но хоть в молитве помяните
Ту, что не в силах слез сдержать.
Ах! вас ли ими удержать...
Ни слова больше... Уходите!
Меня в молитве помяните...

Ma chambre

Ma demeure est haute,
Donnant sur les cieux ;
La lune en est l'hôte,
Pâle et sérieux :
En bas que l'on sonne,
Qu'importe aujourd'hui ?
Ce n'est plus personne,
Quand ce n'est pas lui!

Aux autres cachée,
Je brode mes fleurs ;
Sans être fâchée,
Mon âme est en pleurs ;
Le ciel bleu sans voiles,
Je le vois d'ici;
Je vois les étoiles :
Mais l'orage aussi!

Vis-à-vis la mienne
Une chaise attend :
Elle fut la sienne,
La nôtre un instant :
D'un ruban signée,
Cette chaise est là,
Toute résignée,
Comme me voilà !

Моя комната

Я живу высоко —
В небесах мой дом,
Лунной гости око
Светит над окном.
Звон внизу; неужто
Нынче важный день?
Без него – всё пусто:
Никого... Нигде!

Вышиваю розы,
В тайниках души
Лью украдкой слезы
В горестной тиши.
Небеса не звездны,
Но отсюда также
Мне их свет из бездны
Виден в тучах даже.

Предо мной напротив
Стул на том же месте,
Не был бы он против
Нас увидеть вместе...
И стоит бессменно,
Ждет, печаль храня,
Молча и смиренно,
Преданно, как я!

Souvenir

Quand il pâlit un soir, et que sa voix tremblante
S'éteignit tout à coup dans un mot commencé;
Quand ses yeux, soulevant leur paupière brûlante,
Me blessèrent d'un mal dont je le crus blessé;
Quand ses traits plus touchants, éclairés d'une flamme
Qui ne s'éteint jamais,
S'imprimèrent vivants dans le fond de mon âme;
Il n'aimait pas, j'aimais!

Воспоминание

Когда бледнеет он, и голосом дрожащим

В вечерней полутьме на вдохе вдруг немеет,
Когда от глаз его, томлением горящим
Зажжется сердце и мой разум охмелеет,
Какой бы нежный свет черты не излучали
В пылу того огня,
На дно моей души падет печать печали:
Не он любил, а я!

Les éclairs

Orages de l'amour; nobles et hauts orages,
Pleins de nids gémissants blessés sous les ombrages,
Pleins de fleurs, pleins d'oiseaux perdus, mais dans les cieux,
Qui vous perd ne voit plus, éclairs délicieux!

Молнии

Шторма любви полны высоких бурь-пыланий,
Полны разбитых гнезд, в тени листвы стенаний,
Полны цветов и птиц, потерянных на воле,
В ком дивных молний нет, тот их не видит боле!

Qu'en avez-vous fait?

Vous aviez mon coeur,
Moi, j'avais le vôtre:
Un coeur pour un coeur;
Bonheur pour bonheur!

Le vôtre est rendu;
Je n'en ai plus d'autre;
Le vôtre est rendu,
Le mien est perdu!

La feuille et la fleur
Et le fruit lui-même,
La feuille et la fleur,
L'encens, la couleur:

Qu'en avez-vous fait,
Mon maître suprême?
Qu'en avez-vous fait,
De ce doux bien fait?

Comme un pauvre enfant
Quitté par sa mère,
Comme un pauvre enfant
Que rien ne défend:

Vous me laissez là
Dans ma vie amère;
Vous me laissez là,
Et Dieu voit cela!

Savez-vous qu'un jour,
L'Homme est seul au monde?
Savez-vous qu'un jour,
Il revoit l'Amour?

Vous appellerez,
Sans qu'on vous réponde,
Vous appellerez;
Et vous songerez!

Vous viendrez rêvant
Sonner à ma porte;
Ami comme avant,
Vous viendrez rêvant,

Et l'on vous dira:
«Personne!... elle est morte.»
On vous le dira:
Mais, qui vous plaindra?

Что же вы наделали?

Отдала Вам сердце
Я в обмен на Ваше:
Сердце ради сердца
В счастье радо спеться!

К Вам оно вернулось,
Пусто в моей чаше:
К Вам оно вернулось,
Как я обманулась!

Листья и цветок,
Плод сам наливной,
Листья и цветок —
Запахов исток.

Что же Вы наделали?
Повелитель мой?
Что же Вы наделали?
В душу боль посеяли.

Бедное дитя,
Дверь затворена
Бедное дитя —
Брошена шутя.

Вами предана,
Плача и страдая,
Вами предана,
Я совсем одна!

Разве можно жить
В мире одиноко?
Разве можем жить,
Чтобы не любить?

Позовете вновь,
Мучаясь жестоко..
Позовете вновь
Прежнюю любовь!

Вы придете снова,
Вздрагнет дверь от сна:
Так же, право слово,
Вы придете снова.

Скажут вам в тот час:
«Умерла она...»
Скажут вам в тот час:
Кто ж утешит Вас?

Détachement

*Yet, are there souls with whom my own would rest whom I might bless,
with whom I might be blessed!*
Byron

Combien il faut avoir souffert, pour être fatigué même de l'espérance !

Il est des maux sans nom, dont la morne amertume
Change en affreuses nuits vos jours qu'elle consume.
Se plaindre est impossible; on ne sait plus parler;
Les pleurs même du coeur refusent de couler.

On ne se souvient pas, perdu dans le naufrage,
De quel astre inclément s'est échappé l'orage.
Qu'importe! Le malheur s'est étendu partout;
Le passé n'est qu'une ombre, l'attente un dégoût.

C'est quand on a perdu tout appui de soi-même;
C'est quand on n'aime plus, que plus rien ne nous aime;
C'est quand on sent mourir son regard attaché
Sur un bonheur lointain qu'on a longtemps cherché,
Créé pour nous peut-être! qu'indigne d'atteindre,
On voit comme un rayon trembler, fuir... et s'éteindre.

Равнодушие

*«Тем не менее, есть души, с которыми моя собственная
отдыхала бы, которых Я благословил, от которых я мог бы получить
благословение»*

Байрон

Как же надо было страдать, чтобы устать даже от надежды!

Нет имени тому, чья горечь поражает
Кошмаром ваши дни, и ночи пожирает.
Нет в мире слов таких, чтобы смягчили зло,
И слез на сердце нет, поскольку их сожгло
Забвение о тех, потерянных в пучине
Или по воле звезд, иль по иной причине.
Не все ль равно! Беда повсюду среди вас.
Прошедшее – лишь тень, безвкусна жизнь сейчас.

Чем дух слабей – скорей опоры сокрушимы,
Чем больше любим мы, тем менее любимы,
Чем цель дороже нам, тем чаще в одночасье
Смерть оставляет взгляд на долгожданном счастье,
Что создано для нас, быть может, кто же знает...
Луч света чуть дрожит, бежит... и угасает.

La couronne effeuillée

J'irai, j'irai porter ma couronne effeuillée
Au jardin de mon père où renaît toute fleur;
Mon âme y repandra sa vie agenouillée:
Mon père a secrets pour vaincre la douleur.

J'irai, j'irai lui dire, au moins avec mes larmes:
«Regardez; j'ai souffert...» Il me regarders.

Et sous mes jours changés, sous mes pâleurs sans charmes,
Parce qu'il est mon père, il reconnaîtra.

Il dira: «C'est donc vous, chère âme désolée;
La force manque-t-elle à vos pas égarés?
Chère âme, je suis Dieu: ne soyez plus troublée;
Voici votre maison, voici mon coeur, entrez!»

O clémence, ô douceur, ô saint refuge, ô Père!
Votre enfant qui pleurait, vous l'avez entendu!
Je vous obtiens déjà puisque je vous espère
Et que vous possédez tout ce j'ai perdu.

Vous ne rejetez pas la fleur qui n'est plus belle,
Ce crime de la terre au ciel est pardonné.
Vous ne maudirez pas votre enfant infidèle,
Non d'avoir rien vendu, mais d'avoir tout donné.

Опавшая корона

Пойду, пойду я в сад в короне уж опавшей,
В сад моего отца, где возрождения свет,
О жизни расспрошу его душой уставшей,
У моего отца от боли есть секрет.

Пойду, пойду к нему с горячими слезами:
«Смотрите, стражду я...». Посмотрит наконец.
Под рубищем в рубцах, оставленных годами,
Узрит свое дитя, поскольку он – Отец.

И скажет: «Это вы, душа, что шла так долго?
В борьбе с самой собой вам не хватало сил,
Но я – есть Бог, я – дом; войдите в сердце Бога,
Не бойтесь ничего, душа, я вас простил!».

О милосердие! Приют благой святыни!
Отец мой, к Вам спешит несчастное дитя,
Что плакало, и вот – услышано отныне.
Здесь обретаю то, что потеряла я.

Не бросите цветка, хоть стал он не красив,
Но от земного зла очистили его:
Неверное дитя за все грехи простив.
Вы, отдавая всё, не взяли ничего.

Alphonse de Lamartine
(1790–1869)
Альфонс де Ламартин
(1790–1869)

«Le mur est gris, la tuile est rousse...»

Le mur est gris, la tuile est rousse,
L'hiver a rongé le ciment;
Des pierres disjointes la mousse
Verdit l'humide fondement;
Les gouttières, que rien n'essuie,
Laissent, en rigoles de suie,
S'égoutter le ciel pluvieux,
Trançant sur la vide demeure
Ces noirs sillons par où l'on pleure,
Que les veuves ont sous les yeux;
La porte où file l'araignée,
Qui n'entend plus le doux accueil,
Reste immobile et dédaignée
Et ne tourne plus sur son seuil;
Les volets que le moineau souille,
Détachés de leurs gonds de rouille,
Battent nuit et jour le granit;
Les vitraux brisés par les grêles
Livrent aux vieilles hirondelles
Un libre passage à leur nid!
Leur gazouillement sur les dalles
Couvertes de duvets flottants
Est la seule voix de ces salles
Pleines des silences du temps.
De la solitaire demeure
Une ombre lourde d'heure en heure
Se détache sur le gazon:
Et cette ombre, couchée et morte,
Est la seule chose qui sorte
Tout le jour de cette maison!

«Скрип кровли, серая стена.....»

Скрип кровли, серая стена...
Зима изгрызла твердь цемента,
Осел фундамент до окна,

Где мох, как бархатная лента.
Ржавеют трубы водостока,
В которых копать от истока,
Стекающих дождем годов.
В дом опустевший капли льются
И черным следом остаются
Как слезы на глазах у вдов.
Дверь, где паук на паутине
Не слышит речи звук живой,
Он скован тишиной отныне,
И на порог не лезет свой,
Где створки хлопают со скрипом,
И воробьи взлетают с криком,
Испачкав стершийся гранит.
Где окна, выбитые градом,
И день, и ночь стучат над садом,
Что ласточек с собой роднит.
Их радостное щебетанье —
Такое легкое, как пух,
Но этих комнат ожиданье
Прервет их голос, ранив слух
Воспоминанием иного...
Тень на газон выходит снова,
И эта мертвенная тень
Есть то единственное чудо,
Что появляется оттуда —
Из дома этого весь день!

Adieu à Graziella

Adieu! mot qu'une larme humecte sur la levre;
Mot qui finit la joie et qui tranche l'amour;
Mot par qui le depart de delices nous sevre;
Mot que l'eternite doit effacer un jour.

Adieu!.. je t'ai souvent prononce dans ma vie,
Sans comprendre, en quittant les êtres que j'aimais,
Ce que tu contenaie de tristesse et de lie,
Quand l'homme dit:»Retour!» et que Dieu dit: «Jamais!»

Mais aujourd'hui je sens que ma bouche prononce
Le mot qui contient tout, puisqu'il est plein de toi,
Qui tombe dans l'abime, et qui n'a pour reponse
Que l'eternel silence entre une image et moi...

Et cependant mon coeur redit a chaque haleine
Ce mot qu'un sourd sanglot entre coupe au milieu,

Comme si tous les sons dont la nature est pleine
N'avaient pour sens unique, hélas qu'un grand adieu!

Прощание с Грациеллой

Прощай! и по губам слезой стекает слово,
То слово гонит прочь и радость, и любовь;
То слово поглотит все наслажденья снова,
То слово в смертный час замрет, как в жилах кровь.

Прощай! как часто я произносил, не зная,
Не чувствуя тебя и тех, кого любил,
Я с легкостью бросал... Бывало плоть земная
Кричит во след:»Вернись!» а Бог не так решил!

Сегодня понял я то, что уста сказали,
И в этом слове всё – оно тобой полно.
Теперь мы до конца безмолвие узнали,
Где вечное Прости с прощаньем заодно.

Но сердцу повторять большее с каждым вздохом
То слово, словно плач, оборванный в груди,
И пустота лежит между землей и Богом,
И лишь одно Прощай пред нами на пути!

Felix Arver
(1806–1851)
Феликс Арвер
(1806–1851)

Sonnet

Mon Ame a son secret, ma vie a son mystère:
Un amour éternel en un moment conçu.
Le mal est sans espoir, aussi j'ai dû le taire.
Et celle qui l'a fait n'en a jamais rien su.

Héla! j'aurai passé près d'elle inaperçu,
Toujours a ses cotés et pourtant solitaire;
Et j'aurai jusqu'au bout fait mon temps sur la terre,
N'osant rien demander et n'ayant reçu.

Our elle, quoique Dieu l'ait fait douce et tendre,
Elle suit son chemin, distraite, et sans entendre
Ce murmure d'amour élevé sur ses pas.

A l'austère devoir plèusement fidèle,
Elle dira, lisant ces vers tout remplis d'elle:
«Quelle est donc cette femme?» et ne comprendra pas.

Сонет

Мистерия души, всей жизни моей тайна —
Извечная любовь на грани моих сил,
Но я молчу о том, хоть кровоточит рана,
Хоть сам я иногда не ведал, что творил.

Я перед ней, как тень, незримо проходил:
Опущен ее взор, она всегда печальна.
Я знаю – жизнь моя предрешена, фатальна,
Но я люблю ее все так же, как любил.

Зачем Господь вложил в нее такую сладость,
Когда земная жизнь как будто ей не в радость?
Не слыша слов любви, не подняв головы,

Она несет свой крест и набожно, и верно,
И спросит, прочитав мои стихи, наверно:

«Кто эта женщина?» и не поймет, увы...

Victor Hugo
(1802–1885)
Виктор Гюго
(1802–1885)

L'automne

L'aube est moins claire, l'air moins chaud, le ciel moins pur;
Les longs jours sont passés, les mois charmants finissent.
Hélas! voici déjà les arbres qui jaunissent!..
L'automne est triste avec sa bise et son brouillard,
Et l'été qui s'enfuit est un ami qui part.

Осень

Рассвет не так лучист, не так уж воздух жарок,
Темнеют небеса, туманы загустели,
Увы! длиннее дни, деревья пожелтели!
Осенний ветер грусть мне на сердце наводит,
И лето прочь бежит, как будто друг уходит...

Le printemps

Voici le printemps! mars, avril au doux sourire,
Mai fleuri, juin brûlant, tous les beaux mois amis;
Les peupliers, au bord des fleuves endormis,
Se courbent mollement comme de grandes palmes;
L'oiseau palpite au fond des bois tièdes et calmes;
Il semble que tout rit, et que les arbres verts
Sont joyeux d'être ensemble et disent des vers.
Le jour naît couronné d'une aube fraîche et tendre,
Le soir est plein d'amour; la nuit, on croit entendre,
A travers l'ombre immense et sous le ciel béni,
Quelque chose d'heureux chanter dans l'infini.

Весна

Вот и весна! Март и апрель с улыбкой теплой,
Цветущий май, июньский зной – мои друзья;

Вдоль берегов речных в дремоте тополя,
Подобны пальмам своей грацией томной,
Там птица прячется, в листве теряясь темной;
И кажется, вокруг смеется всё не зря:
В сплетенье крон и крыл рождается заря
И коронован день, где говорят стихами
Деревья меж собой и травами, и нами.
А по ночам сквозь тьму, что взглядом не объять,
Песнь вечная звучит, как неба благодать.

Gerard de Nerval
(1808–1855)
Жерар де Нерваль
(1808–1855)

Avril

Déjà les beaux jours, la poussière,
Un ciel d'azur et de lumière,
Les murs enflammés, les longs soirs ;
Et rien de vert : à peine encore
Un reflet rougeâtre décore
Les grands arbres aux rameaux noirs !

Ce beau temps me pèse et m'ennuie.
Ce n'est qu'après des jours de pluie
Que doit surgir, en un tableau,
Le printemps verdissant et rose,
Comme une nymphe fraîche éclore,
Qui, souriante, sort de l'eau.

Апрель

Уж время тепла наступает,
Лазурное небо блистает,
И тени на стенах длинны:
Их отсвет из чистого злата,
В пейзаже оттенки заката,
И ветви деревьев черны!

Не нравится мне это время,
Меня тяготит его бремя,
Лишь дождь во мне будит мечты.
Весна, заалев на мгновенье,
Как Нимфа, природы творенье,
С улыбкой встает из воды.

Delfica

La connais-tu, Dafné, cette ancienne romance,
Au pied du sycomore, ou sous les lauriers blancs,

Sous l'olivier, le myrte, ou les saules tremblants,
Cette chanson d'amour qui toujours recommence?..

Reconnais-tu le Temple au péristyle immense,
Et les citrons amers où s'imprimaient tes dents,
Et la grotte, fatale aux hôtes imprudents,
Où du dragon vaincu dort l'antique semence?..

Ils reviendront, ces Dieux que tu pleures toujours!
Le temps va ramener l'ordre des anciens jours;
La terre a tressailli d'un souffle prophétique...

Cependant la sibylle au visage latin
Est endormie encor sous l'arc de Constantin
– Et rien n'a dérangé le sévère portique.

Дельфы

Тебе ли, Дафна, не знакома эта песнь,
Звучащая под сикомором и под лавром,
Под миртом, ивой и оливой в хоре славном,
Поющем о любви? О горестная весть!

Ты помнишь Храм, где перистиль сияет весь,
Где золотых твоих лимонов горечь пряна,
Где пасть разинул грот, будто зияет рана,
Где побежден дракон и не хранитель здесь?

Ты плачешь о богах, в забвении они!
Но время возвратит былых мистерий дни,
Пророчествуй еще, ведь мир земной непрочен...

Но в прорицалищах Сивилла спит пока;
Под аркой древнею покоятся века.
– Суровый дух тяжелых портиков отточен.

Le réveil en voiture

Voici ce que je vis: – Les arbres sur ma route
Fuyaient mêlés, ainsi qu'une armée en déroute;
Et sous moi, comme ému par les vents soulevés,
Le sol roulait des flots de glèbe et de pavés.

Des clochers conduisaient parmi les plaines vertes
Leurs hameaux aux maisons de plâtre, recouvertes

En tuiles, qui trottaient ainsi que des troupeaux
De moutons blancs, marqués en rouge sur le dos.

Et les monts enivrés chancelaient: la rivière
Comme un serpent boa, sur la vallée entière
Entendu, s'élançait pour les entortiller...

– J'étais en poste, moi, venant de m'éveiller!

Пробуждение в карете

Вот что я видел там: деревья, словно тени,
Как отступающая армия в смятении.
Земля из-под копыт катилась все быстрее
Волнами черных глыб и мостовых камней.

Звон колокольный плыл среди полей зеленых,
Над черепицей крыши и стен домов беленых,
Бегущих, как стада баранов, вдоль равнин, —
Краснели тут и там отметины их спин.

И каждая гора, как во хмелю качалась,
Река, словно змея, вокруг них обвивалась.
Почтовая карета пряталась в холмах...
– Я пробуждался, я блуждал в мечтах!

Choeur d'amour

Ici l'on passe
Des jours enchantés!
L'ennuie s'efface
Aux coeurs attristés
Comme la trace
Des flots agités.

Heure frivole
Et qu'il faut saisir,
Passion folle
Qui n'est qu'un désir,
Et qui s'envole
Après le plaisir!

Хор любви

Здесь отзвучали
Радостные дни,
В сердца вписали
Горести одни:
Сродни печали
Бурных волн они.

О миг беспечный,
Ты его лови!
Порыв сердечный,
Как огонь в крови.
Ведь ты не вечный, —
Так сейчас живи!

Fantaisie

Il est un air pour qui je donnerais
Tout Rossini, tout Mozart et tout Weber,
Un air très vieux, languissant et funèbre,
Qui pour moi seul a des charmes secrets!

Or chaque fois que je viens à l'entendre,
De deux cents ans mon âme rajeunit...
C'est sous Louis treize; et je crois voir s'étendre
Un coteau vert, que le couchant jaunit,

Puis un château de brique à coins de pierre,
Aux vitraux teints de rougeâtres couleurs,
Ceint de grands parcs, avec une rivière
Baignant ses pieds, qui coule entre des fleurs;

Puis une dame, à sa haute fenêtre,
Blonde aux yeux noirs, en ses habits anciens,
Que, dans une autre existence peut-être,
J'ai déjà vue... et dont je me souviens!

Фантазия

Есть музыка, — рыдания в ней слышны.
Что мне Россини, Моцарт или Вебер?..
Я б отдал все, когда б коснулся ветер
Моей души звучаньем старины!

Лишь в тайне нахожу очарованье, —
Две сотни лет взлетают налегке:

Луи Тринадцатый...веков преданье,
Зеленый холм желтеет вдалеке.

Я вижу замок: переходы, арки,
Витражных окон ярко-красный цвет;
И вдоль реки таинственные парки
С деревьями, которым сотни лет.

Я вижу даму в том окне высоком, —
Она стоит в старинном одеянье
В судьбе моей и в сердце одиноком;
Я знал ее в ином существованье!

Sonnet

Il a vécu tantôt gai comme un sansonnet
Tour à tour amoureux insoucieux et tendre,
Tantôt sombre et rêveur comme un triste Clitandre
Un jour il entendit qu'à sa porte on sonnait.

C'était la Mort! Alors il la pria d'attendre
Qu'il eût posé le point à son dernier sonnet;
Et puis sans s'émouvoir, il s'en alla s'étendre
Au fond du coffre froid où son corps frissonnait.

Il était paresseux, à ce que dit l'histoire,
Il laissait trop sécher l'encre dans l'écritoire.
Il voulait tout savoir mais il n'a rien connu.

Et quand vint le moment où, las de cette vie,
Un soir d'hiver, enfin l'âme lui fut ravie,
Il s'en alla disant: Pourquoi suis-je venu?

Сонет

Беспечно, как скворец, он жил, порхал скорей,
Всегда влюблен легко и весело, и нежно,
Но вдруг он, как Клитандр, мрачнеет безнадежно,
Звонок услышав днем у запертых дверей.

То Смерть была! Тогда он попросил отсрочки,
Чтобы успеть сонет последний дописать,
Как будто жизнь саму всю до последней точки,
Потом уж в ящике холодном угасать.

Всё было лень ему свой досказать сюжет;
И высохших чернил в чернильнице уж нет.
Он знания искал, но их не находил.

Когда ж настал момент – сгорела жизнь в тиши,
И зимним вечером не стало в нем души,
Ушел он говоря: Зачем я приходил?

Le point noir

Quiconque a regardé le soleil fixement
Croît voir devant ses yeux voler obstinément
Autour de lui, dans l'air, une tache livide.

Ainsi, tout jeune encore et plus audacieux,
Sur la gloire un instant j'osai fixer les yeux;
Un point noir est resté dans mon regard avide.

Depuis, mêlée à tout comme un signe de deuil,
Partout, sur quelque endroit que s'arrête mon oeil,
Je la vois se poser aussi, la tache noire!

Quoi, toujours? Entre moi sans cesse et le bonheur !
Oh! c'est que l'aigle seul – malheur! – à nous, malheur!
Contemple impunément le Soleil et la Gloire.

Черная точка

Тот, кто хоть раз на Солнце пристально смотрел —
Шар ослепительный в его глазах горел,
Вокруг которого пятно, как тень, лежало.

Когда был юн и смел, я к Солнцу рвался сам:
Не отводил свой взгляд, что свойственно орлам.
Но точка черная во мне с тех пор, как жало,

Как траурный мой знак присутствует во всем,
Куда б я ни взглянул в желании своем
Увидеть истину и мир в тот миг победный!

И что же вижу я? Несчастья пред собой!
О горе нам – орлам, возвышенным судьбой
К тому, чтоб Солнце созерцал наш разум бедный.

Vers dorés

Eh quoi ; tout est sensible.

Pythagore

Homme, libre penseur ! te crois-tu seul pensant
Dans ce monde où la vie éclate en toute chose ?
Des forces que tu tiens ta liberté dispose,
Mais de tous tes conseils l'univers est absent .

Respecte dans la bête un esprit agissant :
Chaque fleur est une âme à la Nature éclosée ;
Un mystère d'amour dans le métal repose ;
«Tout est sensible!» Et tout sur ton être est puissant.

Crains, dans le mur aveugle, un regard qui t'épie :
A la matière même un verbe est attaché...
Ne la fais pas servir à quelque usage impie !

Souvent dans l' être obscur habite un Dieu caché ;
Et comme un oeil naissant couvert par ses paupières,
Un pur esprit s'accroît sous l'écorce des pierres !

Золотые стихи

Полно! Всё – чувствует.

Пифагор

Не мнишь ли ты себя мудрейшим, Человек,
В миру, где жизнь звучит в космической пылинке?
А вот в тебе самом в извечном поединке, —
Вселенная молчит из-под прикрытых век.

В животном – ум живой, напротив, не поблек;
Душа Природы – мысль цветка на тонкой жилке.
Любовь заключена в металле и в травинке:
«Всё чувствует!» и всё – над логикой вовек.

Страшись в стене слепой невидимого ока,
Живительный глагол – в материи самой;
Не позволяй же ей служить, не помня Бога!

Хоть ищущий Его – во тьме бредет домой;
Но сквозь ресницы свет волной скользнет лучистой, —
Так чистый дух возрастет под коркой каменистой!

Une allée du Luxembourg

Elle a passé, la jeune fille,
Vive et preste comme un oiseau:
A la main une fleur qui brille,
A la bouche un refrain nouveau.

C'est peut-être la seule au monde
Dont le coeur au mien répondrait;
Qui, venant dans ma nuit profonde
D'un seul regard l'éclairerait...

Mais non, – ma jeunesse est finie...
Adieu, doux rayon qui m'as lui, —
Parfum, jeun fille, harmonie...
Le bonheur passait, – il a fui!

Аллея Люксембургского сада

Она прошла походкой легкой,
Мелькнув, как птичка по утру.
В руке – цветок; и песня звонко
Из губ летела на ветру.

Она – одна на этом свете,
Чье сердце билось в такт с моим, —
Придет и ночь мою осветит,
Быть может, взглядом лишь одним...

Но юность кончилась, досада:
Прощай последнее тепло:
И девушка, и свежесть сада,
И счастье, – вот оно прошло!

Alfred de Muset
(1810–1857)
Альфред де Мюссе
(1810–1857)

Chanson

J'ai dit à mon coeur, à mon faible coeur:
N'est-ce point assez d'aimer sa maîtresse?
Et ne vois-tu pas que changer sans cesse,
C'est perdre en désirs le temps du bonheur?

Il m'a répondu: Ce n'est point assez,
Ce n'est point assez d'aimer sa maîtresse ;
Et ne vois-tu pas que changer sans cesse
Nous rend doux et chers les plaisirs passés!

J'ai dit à mon coeur, à mon faible coeur:
N'est-ce point assez de tant de tristesse?
Et ne vois-tu pas que changer sans cesse
C'est à chaque pas trouver la douleur?

Il m'a répondu: Ce n'est point assez,
Ce n'est point assez de tant de tristesse ;
Et ne vois-tu pas que changer sans cesse
Nous rend doux et chers les chagrins passés?

Песня

Бедному сердцу я с грустью сказал:
«Может довольно любить бесконечно?
Время счастливое длится не вечно,
Тратить в изменах его я устал».

Сердце ответило с жаром в крови:
«Я бы хотело любить бесконечно.
Время счастливое длится не вечно —
Сладостно помнить нам радость любви».

Бедному сердцу я с грустью сказал:
«Сколько печали и боли сердечной!
Время счастливое длится не вечно —
Скорби потерь я с избытком познал».

Сердце ответило с жаром в крови:
«Нет, не достаточно боли сердечной.
Время счастливое длится не вечно —
Сладостны прошлые муки. Живи!».

Tristesse

J'ai perdu ma force et ma vie,
Et mes amis et ma gaîté;
J'ai perdu jusqu'à la fierté
Qui faisait croire à mon génie.

Quand j'ai connu la Vérité,
J'ai cru que c'était une amie;
Quand je l'ai comprise et sentie
J'en étais déjà dégoûté.

Et pourtant elle est éternelle,
Et ceux qui se sont passés d'elle
Ici-bas ont tout ignoré.

Dieu parle, Il faut qu'on lui réponde,
Le seul bien qui me reste au monde
Est d'avoir quelque fois pleuré.

Грусть

Я силу потерял до срока,
Моих друзей, мой нрав живой
И гордость, что была со мной,
И гений, в нем не видя прока,

Когда я с легкостью благой
Не слышал Истины упрека,
Что не по-дружески жестока —
До отворачивания порой.

И все же вечно есть и будет,
Когда меня весь мир забудет.
Внизу на грязной мостовой

Стою и чувствую усталость.
Бог говорит: тебе осталось
От счастья плакать, что живой.

Chanson de Fortunio

Si vous croyez que je vais dire
Qui j'ose aimer,
Je ne saurais, pour un empire,
Vous la nommer.

Nous allons chater à la ronde,
Si vous voulez, Que je l'adore et qu'elle est blonde
Come les blés.

Je fais ce que sa fantaisie
Veut m'ordonner,
Et je puis, s'il lui faut ma vie,
La lui donner.

Du mal qu'une amour ignorée
Nous fait souffrir,
J'en porte, l'âme déchirée
Jusqu'à mourir.

Mais j'aime trop pour que je die
Qui j'ose aimer,
Et je veux mourir pour ma mie
Sans la nommer.

Песня Фортуньо

Не думайте, что я посмею
Сказать о той,
Чье имя я в груди лелею,
Забыв покой.

За все блага и царства мира
Не выдам я.
За чаркой дружеского пира
Споем, друзья,

О том, как в нашей жизни грешной
Любовь сильна,
И ранит мукой безнадёжной
Меня она.

О прикажи, я счастлив буду

Тебе служить,
И тенью следуя повсюду,
До смерти жить.

Я этой тайны не нарушу,
Пока живу,
Моей любви, хоть рвите душу,
Не назову!

Impromptu

En reponse a cette question: qu'est-ce que la poesie?

Chasser tout souvenir et fixer la pensée,
Sur un bel axe d'or la tenir balancée,
Incertaine, inquiète, immobile pourtant;
Eterniser peut-être un rêve d'un instant;
Aimer le vrai, le beau, chercher leur harmonie;
Ecouter dans son coeur l'écho de son génie;
Chanter, rire, pleurer, seul, sans but, au hasard;
D'un sourire, d'un mot, d'un soupir, d'un regard
Faire un travail exquis, plein de crainte et de charme
Faire une perle d'une larme:
Du poète ici-bas voilà la passion,
Voilà son bien, sa vie et son ambition.

Экспромт

Отвечая на вопрос: что такое поэзия?

В самом себе блуждать, стараясь удержать
Порхающую мысль, – как бабочку сажать
На золотую ось, вращающую мир,
Где Вечность – это миг, но ты – ее кумир.
Смеяться, плакать, петь, не ведая тот час,
Когда улыбка, вздох или взгляд коснется нас.
Превозмогая страх пред Небом и восторг,
Сквозь боль услышать стих, который ты исторг.
Чарующий эскиз, твоей работы суть —
Чтоб выжать в ком-нибудь
Жемчужину слезы – вот для поэта страсть
И жизнь, и цель, и всё, за что готов страдать.

Chanson de barberine

Beau chevalier qui partez pour la guerre,
Qu'allez-vous faire
Si loin d'ici
Voyez-vous pas que la nuit est profonde,
Et que le monde
N'est que souci?

Vous qui croyez qu'une amour délaissée
De la pensée
S'enfuit ainsi
Hélas ! hélas! chercheurs de renommée,
Votre fumée
S'envole aussi.

Beau chevalier qui partez pour la guerre,
Qu'allez-vous faire
Si loin de nous?
J'en vais pleurer, moi qui me laissais dire
Que mon sourire
Etait si doux.

Печальная песня

О шевалье, мой шевалье прекрасный,
Порыв опасный
Вас гонит прочь.
К чему вам эти войны? – нет в них прока;
Длина дорога,
К тому же – ночь.

Вы, как отвергнутый влюбленный рыцарь,
Желая скрыться,
Бежите вдаль,
Гонясь за славою, увы, миражной,
Герой отважный,
Мне так вас жаль!

О шевалье, мой шевалье прекрасный,
Порыв опасный
Вам даст тепла?
Сейчас расплачусь от чувств избытка,
Ваша улыбка
Была мила.

A Charles Nodier

Ta muse, tout française,
Tout à l'aise,
Me rend la soeur de la santé,
La gaieté.

Elle rappelle à ma pensée,
Délaissée,
Les beaux jours et les courts instants
Du bon temps,

Lorsque, rassemblés sous ton aile
Paternelle,
Échappés de nos pensions
Nous dansions.

Gais comme l'oiseau sur la branche,
Le dimanche
Nous rendions parfois matinal
L'Arsenal.

La tête coquette et fleurie
De Marie
Brillait comme un bleuet mêlé
Dans le blé.

Tachés déjà par l'écritoire,
Sur l'ivoire
Ses doigts légers allaient sautant
Et chantant.

Quelqu'un récitait quelque chose
Vers ou prose,
Puis nous courions recommencer
A danser.

Chacun de nous, futur grand homme,
Ou tout comme,
Apprenait plus vite à t'aimer
Qu'à rimer.

Alors, dans la grande boutique
Romantique,
Chacun avait, maître ou garçon,
Sa chanson...

Cher temps, plein de mélancolie,
De folie,
Dont il faut rendre à l'amitié
La moitié!

К Шарлю Нодье

Твоей французской музыки
Так сладки узы;
Свободы, легкости, добра —
Она сестра.

И сердце снова веселится,
Как будто длится
Мгновений прошлых красота
Через лета,

Когда из пансионов строгих,
Рифмуя слоги,
Слетались под твое крыло,
Что нас звало.

Беспечны, как птенцы на ветке,
Забыв о клетке —
Опаздывали в Арсенал,
Покинув зал,

Где грация Мари цветущей
Влекла нас пуще,
Чем твоих лекций глубина.
О времена,

Где клавиш из слоновой кости
Касались гости,
Испачкав пятнами чернил...
Кто пел, кто пил...

И что-то из стихов иль прозы,
Прочтя без позы,
Бросался в танцы с головой,
Едва живой.

Любой из нас — талант иль гений
В часы учений,
Вас полюбил скорее, скажем,
Чем рифму даже..

Где магазин был нашим домом.
Считалось долгом
Юнцу иль метру дар иметь —
Песнь свою петь..

Безумий, меланхолий время,
Взрастило семя,
Что дружба бросила в меня
В рассвете дня.

Theophile Gautier
(1811–1872)
Теофиль Готье
(1811–1872)

Premier sourire du printemps

Tandis qu'à leurs oeuvres perverses
Les hommes courent haletants,
Mars qui rit, malgré les averses,
Prépare en secret le printemps.

Pour les petites pâquerettes,
Sournoisement lorsque tout dort,
Il repasse des collerettes
Et cisèle des boutons d'or.

Dans le verger et dans la vigne,
Il s'en va, furtif perruquier,
Avec une houppe de cygne,
Poudrer à frimas l'amandier.

La nature au lit se repose,
Lui descend au jardin désert,
Et lace les boutons de rose
Dans leur corset de velours vert.

Tout en composant des solfèges,
Qu'aux merles il siffle à mi-voix,
Il sème aux prés les perce-neiges
Et les violettes aux bois.

Sur le cresson de la fontaine
Où le cerf boit, l'oreille au guet,
De sa main cachée il égrène
Les grelots d'argent du muguet.

Sous l'herbe, pour que tu la cueilles,
Il met la fraise au teint vermeil,
Et te tresse un chapeau de feuilles
Pour te garantir du soleil.

Puis, lorsque sa besogne est faite,
Et que son règne va finir,
Au seuil d'Avril tournant la tête,

Il dit: «Printemps, tu peux venir!»

Первая улыбка весны

Когда за ежечасной спешкой
Теряет жизнь свой аромат, —
Наперекор дождям, с усмешкой,
К весне взывает в тайне март.

Природе в снах ее душистых
Он дарит первые цветы,
В набухших почках золотистых
Чеканя тонкие листы.

Как сада парикмахер, тайно
Спешит управиться он в срок,
Роняя в пудру неустанно
Свой лебединый хохолок.

Когда кусты пустынно-сонны,
И дремлет в них еще фактура, —
Он одевает роз бутоны
В корсет зеленого велюра.

Сольфеджий легкое веселье
Даря залиvistым дроздам,
В лугах подснежники он сеет,
Фиалки стелет по лесам.

У кресс-фонтана, где пугаясь,
Олень пьет чистый фианит, —
Он серебристо разливаясь,
Цветами ландышей звенит.

И под кустами оставляет
Плод земляники – алый мед;
Из листьев шляпу он сплетает,
Что от лучей тебя спасет...

Закончив все дела, на троне
Уже поцарствовав сполна,
Апрель склоняется в поклоне
И говорит: «Приди, весна!»

Paysage

*...omnia plenis
Rura natant fossis.*

P. Virgilius Maro

Pas une feuille qui bouge,
Pas un seul oiseau chantant,
Au bord de l'horizon rouge
Un éclair intermittent;

D'un côté rares broussailles,
Sillons à demi noyés,
Pans grisâtres de murailles,
Saules noueux et ployés;

De l'autre, un champ que termine
Un large fossé plein d'eau,
Une vieille qui chemine
Avec un pesant fardeau,

Et puis la route qui plonge
Dans le flanc des coteaux bleus,
Et comme un ruban s'allonge
En minces plis onduleux.

Пейзаж

*...всего его
Поля канавы*

Публий Вергилий Марон

И ни шороха листа,
И ни птицы в звонком пенье, —
Горизонта краснота,
Резких молний воспаление.

Кое-где видны кусты,
Борозды в болоте тонут,
Тени на стене густы.
Ивы-девы плачут, стонут.

В стороне же от болот —
Ров с водой за пашней тощей,
И старуха, что бредет
Со своей тяжелой ношей.

В чрево синее холмов
Та дорога дальше длится —
Тонкой лентой кружевов
Извивается, змеится...

Carmen

Carmen est maigre, – un trait de bistre
Cerne son oeil de gitana.
Ses cheveux sont d'un noir sinistre,
Sa peau, le diable la tanna.

Les femmes disent qu'elle est laide,
Mais tous les hommes en sont fous:
Et l'archevêque de Tolède
Chante la messe à ses genoux;

Car sur sa nuque d'ambre fauve
Se tord un énorme chignon
Qui, dénoué, fait dans l'alcôve
Une mante à son corps mignon.

Et, parmi sa pâleur, éclate
Une bouche aux rires vainqueurs;
Piment rouge, fleur écarlate,
Qui prend sa pourpre au sang des coeurs.

Ainsi faite, la moricaude
Bat les plus altièrès beautés,
Et de ses yeux la lueur chaude
Rend la flamme aux satiétés.

Elee a dans sa laideur piquante
Un grain des sel de cette mer
D'où jaillit, nue et provocante,
L'âtre Vénus du gouffre amer.

Кармен

Кармен тонка – исчадьє ночи,
От черных кос уйти нет сил;
Зловещей страстью блещут очи,
А кожу дьявол ей дубил.

«Уродка», – слышно в женских сплетнях,
Но тем любовь мужчин сильнее.
В Толедо, стоя на коленях,
Архиепископ служит ей.

Шиньон ее, как зверь в неволе,
Что скован цепью золотой, —
Но отпускается в алькове
По телу мантией-волной.

И среди бледности томящей
Цветет, пылает алый рот, —
В победоносном смехе мстящем
Свой пурпур из сердец берет.

Так создана самой природой
Бурлить, стремиться, обжигать;
И своей огненной свободой
Расслабленных подстергать.

Она невыносимо колка,
Горька, – крупица моря, стон.
Так Афродита волей рока
Явилась в мир из бездны волн.

La chimère

Une jeune Chimère, aux lèvres de ma coupe,
Dans l'orgie, a donné le baiser le plus doux;
Elle avait les yeux verts, et jusque sur sa croupe
Ondoyait en torrent l'or de ses cheveux roux.

Des ailes d'épervier tremblaient à son épaule;
La voyant s'envoler, je sautait sur ses reins;
Et, faisant jusqu'à moi ployer son cou de saule,
J'enfonçai comme un peigne une main dans ses crins.

Elle se démenait, hurlante et furieuse,
Mais en vain. Je broyais ses flancs dans mes genoux;
Alors elle me dit d'une voix gracieuse,
Plus claire que l'argent: Maître, où donc allons-nous?

Par-delà le soleil et par-delà l'espace,
Où Dieu n'arriverait qu'après l'éternité;
Mais avant d'être au but ton aile sera lasse:
Car je veux voir mon rêve en sa réalité.

Химера

С Химерой юною из чаши пил одной
Губами поцелуй в той оргии пьянящей.
О зелень глаз ее! И рыжей гривы зной,
Потоком золотым волос волны парящей.

Дрожь ястребиных крыл вздымала ее плечи,
Боясь, что ускользнет, проник я в душу к ней,
За шею гибкую держась, чтоб было легче,
Вонзался пальцами ей в гриву всё сильнее.

Она как фурия металась и рычала,
Ее бока сжимал, безумьем одержим;
И милостиво мне она тогда сказала:
Ответь, мой господин, куда же мы спешим?

За солнце, за предел, раздвинувший пространство,
Откуда сам Господь взирает на века.
Цель бытия – твое крыло; и постоянство
Полета наяву, когда мечта близка.

Charles Leconte de Lisle
(1818–1894)
Шарль Леконт де Лиль
(1818–1894)

Villanelle

Une nuit noire, par un calme, sous l'Equateur.

Le Temps, l'Etendue et le Nombre
Sont tombés du noir firmament
Dans la mer immobile et sombre.

Suaire de silence et d'ombre,
La nuit efface absolument
Le Temps, l'Etendue et le Nombre.

Tel qu'un lourd et muet décombe,
L'Esprit plonge au vide dormant,
Dans la mer immobile et sombre.

En lui-même, avec lui, tout sombre,
Souvenir, rêve, sentiment.
Le Temps, l'Etendue et le Nombre,
Dans la mer immobile et sombre.

Песенка с припевом

Темная ночь, тиха, под Экватором.

Пространство, Время и Число
Ичезли в черном небосводе
В том море, чье темно чело.

Так ночи саван – тени зло
Стирает, по своей природе,
Пространство, Время и Число.

Руин молчанье тяжело,
Дух тонет сам в пустой свободе
В том море, чье темно чело.

Бездвижно вечное чело,

А память чувств приснилась вроде.
Пространство, Время и Число
В том море, чье темно чело.

Aux modernes

Vous vivez lâchement, sans rêve, sans dessein,
Plus vieux, plus décrépits que la terre inféconde,
Châtrés dès le berceau par le siècle assassin
De toute passion vigoureuse et profonde.

Votre cervelle est vide autant que votre sein,
Et vous avez souillé ce misérable monde
D'un sang si corrompu, d'un souffle si malsain,
Que la mort germe seule en cette boue immonde.
Hommes, tueurs de Dieux, les temps ne sont pas loin
Où, sur un grand tas d'or vautrés dans quelque coin,
Ayant rongé le sol nourricier jusqu'aux roches,

Ne sachant faire rien ni des jours ni des nuits,
Noyés dans le néant des suprêmes ennuis,
Vous mourrez bêtement en emplissant vos poches .

К живущим

Без цели, без мечты вы дряхлы и больны,
Как старая земля иссохшая – бесплодны.
Убийцей-веком чувств глубоких лишены —
Духовные скопцы, моральные уроды.

Ваш мозг ленив и пуст и бессердечна грудь,
Вы заразили мир собой неисцелимо:
Дыханием своим и кровью, что как ртуть,
Зародыш смерти зрел в зловонии незримо.

Убийцы Бога – вы, уж близок этот час:
На куче золота оставит разум вас,
Когда изложите всю землю вы по-свойски.

В делах бессильны днем и ночью не у дел,
Лишь золото грести в карманы – ваш удел,
Чтобы когда-нибудь подохнуть с ним по-скотски.

La Maya

Maya! Maya! torrent des mobiles chimères,
Tu fais jaillir du coeur de l'homme universel
Les brèves voluptés et les haines amères,
Le monde obscur des sens et la splendeur du ciel;
Mais qu'est – ce que le coeur des hommes éphémères,
O Maya! sinon toi, le mirage immortel?
Les siècles écoulés, les minutes prochaines,
S'abîment dans ton ombre, en même moment,
Avec nos cris, nos pleurs et le sang de nos veines:
Eclair, rêve sinistre, éternité qui ment,
La Vie antique est faite inépuisablement
Du tourbillon sans fin des apparences vaines.

Майя

О Майя! Майя! Быстротечные химеры;
В тебе вибраций свет и сердца горький стон,
Иллюзия, соблазн и ненависть без меры:
Мир темных чувств, а смысл – всего лишь неба сон...
Что жизнь людей? Она – бессмертие без веры,
Источник вод иссох, ведь эфемерен он.
Всё – тень твоя: века, как будто миг в застое,
Мы с кровью наших вен, с рыданиями, с тоской.
Мечта и вечность – ложь, мерцанье золотое...
О Майя! Ты лишь нас касаешься рукой.
Античных миражей неистощимый рой
На фоне видимом видение пустое...

Charles Cros
(1842–1888)
Шарль Кро
(1842–1888)

«Au lit que tu sais faire...»

Au lit que tu sais faire,
Fossoyeur, dans la terre.
Et, dans ce lit étroit,
Seule, elle aurait trop froid.

J'irai coucher près d'elle,
Comme un amant fidèle,
Pendant toute la nuit
Qui jamais ne finit.

«В том ложе, что в земле...»

В том ложе, что в земле —
Одна, в кромешной тьме,
В том слишком узком ложе —
Как холодно ей, Боже!

Я лягу с нею вместе —
Жених к своей невесте.
Соединит сердца
Та ночь, что без конца.

Liberte

Le vent impur des étables
Vient d'Ouest, d'Est, du Sud, du Nord.
On ne s'assied plus aux tables
Des heureux, puisqu'on est mort .

Les princesses aux beaux râbles
Offrent leurs plus doux trésors.
Mais on s'en va dans les sables,
Oublié, méprisé, fort.

On peut regarder la lune
Tranquille dans le ciel noir.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.